

В. М. БЕРЕЖКОВ

СТАНОВЛЕНИЕ АНТИГИТЛЕРОВСКОЙ КОАЛИЦИИ

В первые же дни после нападения гитлеровской Германии на СССР перед советской дипломатией возникли новые задачи. Главной целью советской внешней политики стало обеспечение наиболее благоприятных международных условий для организации отпора врагу, а в дальнейшем для освобождения оккупированной им советской территории и полной победы над фашистскими державами. Советская дипломатия прежде всего должна была позаботиться о том, чтобы буржуазные государства, уже воевавшие с гитлеровской Германией и фашистской Италией, стали возможно более прочными союзниками СССР. Для этого нужно было добиться создания и укрепления коалиции государств, воевавших против нацистской Германии, и скорейшего открытия второго фронта в Европе. Необходимо было также приложить все усилия к тому, чтобы предотвратить нападение со стороны государств, еще сохранявших в то время официальный нейтралитет в советско-германской войне: Японии, Турции, Ирана и других. Это требовало немалого дипломатического искусства.

Наконец, задачей внешней политики СССР в тот период было оказание всей возможной помощи народам Европы, поработанным фашизмом, в борьбе за свободу и восстановление их суверенных прав, о чем говорилось в выступлении главы Советского правительства, председателя Государственного Комитета Обороны И. В. Сталина 3 июля 1941 г.

Эти задачи нашли отражение и в декларации, с которой советская делегация выступила на Межсоюзной конференции в Лондоне в сентябре 1941 г. В этом документе указывалось, что все народы и все государства, вынужденные вести навязанную им гитлеровской Германией войну, должны добиваться «скорейшего и решительного разгрома агрессоров, мобилизовать и отдать для наиболее полного решения этой задачи все свои силы». Далее в декларации говорилось о необходимости такого послевоенного устройства мира, которое избавило бы народы от фашизма. «Советский Союз, — провозглашалось в ней, — отстаивает право каждого народа на государственную независимость и территориальную неприкосновенность своей страны, право устанавливать такой общественный строй и избирать такую форму правления, какие он считает целесообразными и необходимыми в целях обеспечения экономического и культурного процветания своей страны». Советское правительство выражало уверенность, что «в результате полной и окончательной победы над гитлеризмом будут заложены основы правильных и отвечающих желаниям и идеалам свободолубивых народов отношений международного сотрудничества и дружбы».

Достижение этих задач осложнялось тем, что правительства Англии и США преследовали в войне помимо разгрома фашистских держав и иные цели. Они, конечно, тоже стремились разбить Германию и ее союзников, устранить опасность германской мировой гегемонии и отстоять свою независимость. Вместе с тем правящие круги Лондона и Вашингтона прежде всего думали об ослаблении Германии как своего империалистического соперника и опасного конкурента на мировом рынке. Они вовсе не стремились к полному уничтожению реакции в Германии и других странах. США и Ан-

глия намеревались использовать войну для распространения своего влияния на возможно большее число стран во всех частях земного шара и хотели установить в послевоенном мире англо-американское господство.

Эти империалистические мотивы усиливались в политике западных держав по мере того, как приближался разгром Германии. Черчилль, возглавивший с мая 1940 г. английское правительство, рассчитывал, что война ослабит Советское государство и по окончании военных действий оно окажется в зависимости от Англии и США. Это подтверждает, например, письмо Черчилля Идену от 8 января 1942 г., в котором он писал: «Никто не может предвидеть, каково будет соотношение сил и где окажутся армии-победительницы к концу войны. Однако представляется вероятным, что Соединенные Штаты и Британская империя далеко не будут истощены и будут представлять собой наиболее мощный по своей экономике и вооружению блок, какой когда-либо видел мир, и что Советский Союз будет нуждаться в нашей помощи для восстановления страны в гораздо большей степени, чем мы будем тогда нуждаться в его помощи».

Победы «третьего рейха» в Западной Европе и Северной Африке, разгром Франции, порабощение Греции, оккупация Югославии, продвижение войск держав «оси» через Балканы к нефтяным источникам Ближнего Востока — все это представляло настолько огромную опасность для британского империализма, что сторонникам Гитлера в Англии стало весьма трудно, если не невозможно, осуществить давно вынашиваемые ими планы сговора с фашизмом, организации совместного «похода против большевизма». Гитлер и Муссолини в своих агрессивных устремлениях зашли слишком далеко, нанесли столь сильный удар по жизненным центрам Британской империи, что даже вероломное нападение на Советский Союз не могло примирить английские правящие круги с ними.

Гитлер, очевидно, думал, что война против Советского Союза спешет все его преступления перед «западными демократиями». Он, однако, жестоко просчитался. Путь к новому сговору с английскими мюнхенцами оказался для него закрытым. Уже в день нападения Германии на Советский Союз английское правительство заявило, что целиком поддержит борьбу советского народа против вторгшегося на территорию СССР врага. В этом, несомненно, нашли отражение и усилия советской дипломатии. Не дав в 1940 г. втянуть себя в обсуждение гитлеровской идеи «раздела британского имущества» и последовательно проводя ленинскую политику мира, Советское правительство избегало изоляции на мировой арене и подготовило условия для совместных с западными державами действий против общего врага.

Из числа сотрудников советского посольства в Берлине, возвратившихся летом 1941 г. из Германии, небольшая группа была оставлена на работе в Наркоминделе. Я стал заниматься проблемами европейских союзников Германии — Венгрии, Словакии, Румынии и Болгарии. Несколько позже, после того как мне был присвоен ранг советника, в круг моих обязанностей вошли также дела Турции, Ирана, Афганистана. Вместе с тем, поскольку помимо немецкого я владел и английским языком, меня часто привлекали в качестве переводчика при встречах руководителей правительства и Наркоминдела с английскими, а затем и американскими представителями. Так я стал причастен к переговорам, приведшим к созданию антигитлеровской коалиции.

Я не ставил задачи описать все этапы этого процесса, речь главным образом пойдет о событиях, очевидцем которых мне довелось быть. Разумеется, я постарался сохранить определенную последовательность в изложении сообразно с развитием отношений между СССР, США и Англией, которые охватывают период с момента нападения гитлеровской Германии на Советский Союз вплоть до Тегеранской конференции. В тех случаях, где представлялось необходимым или где речь идет о переговорах, на которых я не присутствовал, использовалась соответствующая документация (публикации английского Форин оффис и госдепартамента, мемуары ряда государственных деятелей Англии и США).

В момент гитлеровского вторжения на советскую территорию посол Криппс находился в Лондоне. Спустя несколько дней он возвратился в Москву во главе специальной военно-экономической миссии.

Миссия прибыла в Москву самолетом 27 июня. Ее встречали генеральный секретарь Народного комиссариата иностранных дел А. А. Соболев, заместитель председателя Моссовета М. А. Яснов, заместитель начальника Генерального штаба генерал-лейтенант В. Д. Соколовский и другие официальные лица.

В тот же день нарком иностранных дел СССР В. М. Молотов принял Криппса, который торжественно представил ему весь состав миссии. Посол зачитал декларацию, в которой выражалось сочувствие Советскому Союзу, подвергнутому нападению, и содержались, правда весьма неопределенные, обещания насчет помощи.

После этого состоялась беседа между Криппсом и наркомом иностранных дел СССР. В ходе ее нарком поинтересовался, как представляет себе английское правительство сотрудничество британской миссии с Советским Союзом. Криппс ответил, что члены военной миссии должны войти в контакт с представителями советских военных кругов. При этом он тут же подчеркнул, что военная часть миссии будет независима от него. Что касается экономической стороны дела, то, по мнению посла, следовало бы установить контакт с А. И. Микояном. Бросалось в глаза, что Криппс при этом не упомянул ни о каких политических предпосылках для предстоящих бесед военной и экономической миссии.

С советской стороны было обещано быстро дать ответ на предложение Криппса и высказано пожелание оказать влияние на английскую печать с тем, чтобы она не поднимала шумиху вокруг приезда в Москву английской миссии. Криппс обещал принять меры.

Затем разговор перешел на другие темы. В частности, посла попросили проинформировать советских руководителей о деле Рудольфа Гесса и о цели его прилета в Англию. Криппс ответил, что в прошлом Гесс был связан с пронацистски настроенными кругами в Англии и потому полагал, что с этой группировкой можно договориться и заключить мир. Криппс высказал убеждение, что Гесс прибыл в Англию не без ведома Гитлера.

— В настоящий момент, — продолжал посол, — Гессом в Англии не интересуются. Английское правительство поддерживало различные слухи о Гессе и не сделало официального заявления, стремясь держать германских лидеров в неведении...

Далее речь зашла о позиции Соединенных Штатов. Криппс заявил, что за неделю до нападения Германии на СССР он побудил Черчилля переговорить с Рузвельтом о возможности осуществления такой секции. Криппс доверительно сообщил, что вернувшийся из Америки посол США в Лондоне Вайнант, а также Криппс и Черчилль составили речь, которую британский премьер-министр и произнес по радио 22 июня, как только стало известно о вторжении Германии на советскую территорию. Вайнант был полностью удовлетворен выступлением Черчилля, ибо оно, по его мнению, отражало взгляды Рузвельта. Молотов спросил, не предупредил ли Гесс англичан о начале войны против СССР. Криппс отрицал это, заявив, что Лондон получил сведения из других источников, но тут британскому послу трудно было поверить.

Вечером 27 июня состоялась вторая беседа наркома иностранных дел с Криппсом. Нарком сообщил, что после того, как он доложил Советскому правительству о предложениях посла, возник вопрос, каковы будут масштабы и размеры помощи, которую стороны могут оказать друг другу.

— Британское правительство, — ответил Криппс, — готово сделать все, чтобы начать сотрудничество между обеими странами. Я не вижу причин, которые ограничивали бы размеры возможной экономической помощи, и вообще не вижу предела помощи в деле достижения обеими странами общей цели.

Молотов заметил, что взаимную помощь необходимо обусловить каким-то соглашением на определенной политической базе. На такой базе можно было бы осуществить военное и политическое сближение между обеими странами. Криппс ответил уклончиво, дав понять, что к политическому соглашению с СССР английское правительство не готово. Такой ответ не мог удовлетворить советскую сторону, считавшую, что в соз-

давшейся обстановке, когда обе страны имели общего врага, следовало думать не только о конкретных текущих вопросах, но и о проблеме более широкого военно-политического сотрудничества. Советский представитель спросил, правильно ли он понял, что английское правительство считает возможным в настоящий момент наладить сотрудничество лишь по специальным вопросам и не ставит задачу военно-политического сотрудничества? Криппс ответил, что, по его мнению, сейчас более необходимо достичь сотрудничества по военным и экономическим вопросам, а это создаст и базу для политического сотрудничества.

29 июня 1941 г. Молотов снова принял Криппса. Ссылаясь на информацию, полученную из Лондона о недавней беседе посла И. М. Майского с членом английского военного кабинета лордом Бивербруком, нарком поставил вопрос об усилении действий английской авиации против Германии и вообще в Западной Европе, а также о десанте во Франции. Именно о возможности таких операций говорил Бивербрук. Криппс, несомненно, уже был информирован о встрече Майского с Бивербруком и получил инструкцию о том, как держать себя в случае возникновения такого вопроса. Он не задумываясь ответил:

— В принципе английское правительство готово сделать все, чтобы помочь Советскому правительству. Однако английский флот не может взяться за какую-либо операцию, не зная, в чем собственно она будет состоять. Следовательно, сейчас нельзя сказать что-то определенное относительно действий английских вооруженных сил, которые облегчили бы положение на русском фронте, о чем Бивербрук говорил Майскому.

Как видим, вопреки словесным заявлениям Черчилля и членов его кабинета о стремлении английского правительства оказать Советскому Союзу самую широкую помощь на практике никаких конкретных шагов не делалось.

Во время встречи с членами английской военной миссии 30 июня 1941 г. нарком иностранных дел СССР вновь подчеркнул желательность, чтобы Англия «усилила активность своей авиации в Западной Германии и на оккупированной территории Франции», а также высадила десант в упомянутом Бивербруком районе. На этот раз слово взял генерал Макферлан и заявил, что его задача состоит в том, чтобы поскорее получить подробные сведения о действиях и планах советских войск. Тогда, мол, и английское командование выработает соответствующий план операций.

В конце концов Советскому правительству все же удалось побудить правительство Англии пойти на договоренность, которая носила бы не только технический характер. 13 июля 1941 г. в Кремле состоялось подписание «Соглашения между правительствами СССР и Великобритании о совместных действиях в войне против Германии». Значение этого документа подчеркивалось тем, что при его подписании с советской стороны присутствовали глава Советского правительства И. В. Сталин, начальник Генерального штаба Красной Армии маршал Б. М. Шапошников, нарком военноморского флота адмирал Н. Г. Кузнецов и другие официальные лица. С английской стороны присутствовали посол Криппс, сотрудники посольства Великобритании, а также весь состав британской миссии. Соглашение, составленное на английском и русском языках, было подписано наркомом иностранных дел СССР и послом Криппсом и скреплено печатями. В соглашении указывалось:

1. Оба правительства обязуются оказывать друг другу помощь и поддержку всякого рода в настоящей войне против гитлеровской Германии.

2. Они далее обязуются, что в продолжении этой войны они не будут ни вести переговоров, ни заключать перемирия или мирного договора, кроме как с обоюдного согласия.

Это соглашение может рассматриваться как начало антигитлеровской коалиции.

Однако оно действительно было только началом. Как мы видели, английская сторона нехотя пошла на то, чтобы связать себя военно-политическими обязательствами. В значительной степени это вызывалось следующим: среди британских военных экспертов и многих политических деятелей преобладало мнение, что Советский Союз не выдержит ударов гитлеровской военной машины, опирающейся на промышленный потенциал почти всей Западной Европы. Военные специалисты в Лондоне называли даже конкретные сроки: они считали, что Красная Армия будто бы не сможет сдерживать натиск гитлеровских полчищ более пяти-шести недель.

Аналогичные оценки возможности Советского Союза противостоять гитлеровской Германии преобладали и в США. Разница заключалась лишь в том, что вашигтонские военные стратеги называли еще меньшие сроки «русского сопротивления». Рузвельт не очень доверял таким прогнозам и, стремясь получить информацию из первых рук, решил направить в Москву в качестве своего специального представителя Гарри Гопкинса. В то время Гопкинс находился в Англии, и Рузвельт поручил ему отправиться в Советский Союз прямо оттуда. Совершив на английском самолете почти двухсуточный перелет из Шотландии в Архангельск, Гопкинс во второй половине дня 28 июля прибыл в Москву.

Мы встречали его в Центральном аэропорту на Ленинградском проспекте. У небольшого служебного помещения, покрашенного зеленой краской, собралась группа дипломатов и военных. Здесь были не только официальные советские представители, но и работники посольств США и Англии, офицеры из аппаратов военных и военноморских атташе этих стран. После того как моторы самолета остановились, открылась дверца, изнутри спустили железную лесенку, и в темном проеме двери появился худощавый человек в помятом и слишком широком для его фигуры костюме. Тонкая шея, казалось, с трудом поддерживала большую лысеющую голову с высоким лбом. На нас глядели умные, пронзительные глаза, большой рот расплывался в сверкающей улыбке. Это и был Гарри Гопкинс — специальный представитель Рузвельта, его личный друг. От того, какие выводы сделает этот человек, во многом зависел дальнейший курс США. Он должен был, ознакомившись с обстановкой на месте, доложить в Вашингтоне, способен ли Советский Союз противостоять гитлеровской агрессии, не превратится ли война на советско-германском фронте в очередной блицкриг. В зависимости от того, какой ответ даст Гопкинс на эти вопросы, Белый дом собирался выработать свою политику по отношению к Советскому Союзу, только что ставшему очередным объектом нацистской агрессии.

Правительство США сразу же после нападения гитлеровской Германии на Советский Союз осудило этот акт агрессии. Президент Рузвельт в выступлении на пресс-конференции 24 июня 1941 г. отметил, что все, кто оказывает сопротивление державам фашистской «оси», в том числе и Советский Союз, встретят поддержку Соединенных Штатов. Но одно дело сделать словесное заявление, а другое — предпринять конкретные шаги. В правящих кругах США, как и Англии, были влиятельные силы, которые в предвоенные годы поощряли фашистских агрессоров, направляя их против Советского Союза. Нельзя было не считаться с тем, что эти силы будут сопротивляться установлению сотрудничества США с Советским Союзом, добиваться, чтобы все ограничилось лишь выражением сочувствия, будут всячески мешать оказанию практической помощи Красной Армии, сражавшейся один на один с фашистскими полчищами. Влиянию этих элементов, которое, впрочем, сказывалось на всем протяжении Великой Отечественной войны, Рузвельт рассчитывал противопоставить выводы такого опытного и авторитетного политика, как Гарри Гопкинс.

Он провел в Москве два дня. За это время представитель президента имел встречи с руководителями Советского правительства, получил обстоятельную информацию о положении на советско-германском фронте, увидел решимость советского народа вести войну до победного конца. Эта решимость произвела на него глубокое впечатление. Выступая 31 июля на пресс-конференции в Москве, Гарри Гопкинс отметил, что при встрече с советскими руководителями обсуждалось положение в Советской стране в связи с войной с Германией и что он, по поручению Рузвельта, заявил: «тот, кто сражается против Гитлера, является правой стороной в этом конфликте... США намерены оказать помощь этой стороне».

— Я сообщил Сталину, — продолжал Гопкинс, — что мы с величайшим восхищением следим за борьбой, которую ведет Советский Союз, защищая себя...

Во время пребывания Гопкинса в Москве обсуждалась также проблема снабжения Советского Союза военными материалами. Был рассмотрен вопрос о типах вооружения и количестве материалов, которые США могли бы поставить Советскому Союзу.

Глава Советского правительства просил Гопкинса передать президенту Рузвельту признательность за предложение помощи и подчеркнул, что президент и американ-

ский народ могут положиться на советский народ, который сыграет решающую роль в разгроме гитлеровской Германии.

Из поездки в Москву Гарри Гопкинс вынес вполне определенное положительное для Советского Союза впечатление. Вопреки пророчествам вашингтонских военных экспертов, Гопкинс пришел к выводу, что Советский Союз способен не только выдержать натиск врага, но и нанести ему в дальнейшем серьезные удары. Доклад Гопкинса правительству США и лично президенту во многом способствовал формированию последующего курса администрации Рузвельта по оказанию содействия Советскому Союзу в борьбе против фашистской агрессии.

Поездка Гопкинса открыла дорогу для практических шагов американского правительства в этом направлении. Но все же оказание реальной помощи, конкретные поставки начались не сразу. Разумеется, в условиях того времени, учитывая огромные расстояния, а также военные действия в Атлантике, в Северном море и на Европейском континенте, налаживание поставок было не простым делом. Но в том, что подготовка к ним заняла весьма длительное время, сказывалось и другое — правящие круги западных держав все еще продолжали колебаться. Они присматривались к тому, как пойдет развитие событий на советско-германском фронте. Они не верили еще в способность советского народа противостоять гитлеровской агрессии.

В этих условиях визит Гарри Гопкинса в Москву и его трезвый анализ обстановки сыграл положительную роль. Он способствовал в конечном счете благоприятному ходу процесса формирования антигитлеровской коалиции.

МИССИЯ БИВЕРБРУКА И ГАРРИМАНА

Важным этапом в развитии отношений между тремя главными участниками антигитлеровской коалиции стали переговоры, которые велись в конце сентября — начале октября 1941 г. во время пребывания в Москве англо-американской миссии, возглавлявшейся лордом Бивербруком (Англия) и Авереллом Гарриманом (США).

В Архангельск для встречи Бивербрука и Гарримана, прибывших туда на английском крейсере «Линкольн», были направлены заведующий протокольным отделом Наркоминдела Ф. Ф. Молочков, начальники отделов внешних сношений наркоматов обороны и военно-морского флота — полковник Евстигнеев и капитан 1-го ранга Зайцев. 28 сентября в Москве на Центральном аэродроме американского и английского представителей встречали первый заместитель наркома иностранных дел А. Я. Вышинский, нарком военно-морского флота адмирал Н. Г. Кузнецов, генерал Ф. И. Голиков, генеральный секретарь Наркоминдела А. А. Соболев и другие официальные лица. В распоряжение делегаций была предоставлена гостиница «Националь». Деловые заседания происходили в особняке Наркоминдела на Спиридоньевке (ул. Алексея Толстого).

Регламент работ совещания устанавливался следующий: с 12 дня до 17 вечера с небольшим перерывом на ленч. После 17 часов для участников совещания была приготовлена на каждый день обширная программа осмотра достопримечательностей Москвы, посещения театров, кино, концертов, промышленных предприятий и различных учреждений. В частности, в этой программе фигурировали Московский автозавод, завод «Шарикоподшипник», авиазавод, ЦАГИ, военный госпиталь, мясокомбинат.

Официальная цель миссии Бивербрука и Гарримана состояла в том, чтобы выяснить, в каких конкретно материалах нуждается Советский Союз, и на этой основе достичь с Советским правительством договоренности относительно возможных поставок.

Уже в первый день своего пребывания в Москве Бивербрук и Гарриман были приняты главой Советского правительства. На этой встрече с советской стороны было сделано подробное сообщение о положении на советско-германском фронте, а также высказаны первоочередные требования в отношении необходимых военных поставок. В свою очередь английский и американский представители изложили соображения о том, что конкретно можно было бы безотлагательно предоставить Советскому Союзу из английских и американских запасов, причем в количественном отношении предлагавшаяся помощь была мизерной. Поскольку на этой встрече имело место как бы пред-

варительное выяснение взаимных позиций, с советской стороны не было сделано никаких замечаний относительно англо-американских предложений.

Но на следующий день при встрече с Бивербруком и Гарриманом глава Советского правительства подверг резкой критике Англию и США, предлагавших лишь весьма ограниченную помощь Советскому Союзу, несущему главное бремя войны против Гитлера. Бивербрук и Гарриман всячески оправдывались, пытались доказать, что Лондон и Вашингтон делают все возможное для оказания помощи Советскому Союзу. Каждая из сторон на этот раз осталась при своем мнении. Только во время третьей беседы западные представители проявили большую сговорчивость. Была достигнута принципиальная договоренность о поставках в самое ближайшее время наиболее необходимых материалов.

СОГЛАШЕНИЕ О ПОСТАВКАХ

Наркому иностранных дел СССР было поручено конкретизировать достигнутое в ходе переговоров соглашение. Были созданы шесть специальных комиссий: авиационная, военно-морская, транспортная, армейская, промышленная, продовольственного снабжения. Вопрос об оплате согласованных поставок не был зафиксирован, поскольку в то время ленд-лиз не распространялся на Советский Союз.

1 октября на заключительном заседании конференции были подведены итоги проделанной работы. Глава советской делегации В. М. Молотов в своей речи сказал, что конференция в несколько дней «пришла к единодушному решению по всем стоявшим перед нею вопросам».

— За эти дни,— продолжал глава советской делегации,— мы все имели возможность убедиться в том, насколько сильно решающие жизненные интересы и общие стремления наших великих свободолюбивых народов сблизили наши страны и привели к тесному сотрудничеству в развернувшейся исторической борьбе против разбойничьей гитлеровской Германии, живущей кровавым порабощением народов и хищными захватами чужих территорий...

Инициаторы конференции ставили своей целью помочь Советскому Союзу и общими усилиями обеспечить поражение гитлеризма. При этом приходится особо отметить, что не только воюющая с нацистской Германией Англия, но и невоюющая страна — Соединенные Штаты Америки в одинаковой мере признали как необходимость ликвидации гитлеризма, так и необходимость помочь в этих целях Советскому Союзу своими богатейшими материальными ресурсами. Это происходящее на наших глазах объединение усилий таких великих держав, как Соединенные Штаты Америки, Великобритания и Советский Союз, во многом предreshает конечный успех нашей борьбы с гитлеровцами...

Подчеркивая политическое значение конференции, советский делегат отметил, что отныне против гитлеровцев создан мощный фронт свободолюбивых народов во главе с Советским Союзом, Англией и Соединенными Штатами Америки. С таким мощным объединением государств Гитлер еще не имел дела. С советской стороны была выражена уверенность, что великий антигитлеровский фронт будет быстро крепнуть и что нет такой силы, которая сломила бы этот фронт: против гитлеризма создалось объединение таких государств, которые найдут пути и средства, чтобы стереть с лица земли нацистский гнойник в Европе.

— На долю Советского Союза,— сказал далее советский делегат,— выпала тяжелая задача испытать на себе наиболее тяжелые и кровавые удары гитлеровских захватчиков. Мы видим, что великое значение нашей трудной борьбы с гитлеризмом находит все большее признание среди народов всего мира. Придет время, и народы скажут свое веское слово о той освободительной роли Советского Союза, которую он теперь выполняет не только в интересах раскрепощения народов Европы, но и в интересах свободы народов всего мира...

От имени англо-американской миссии выступил Гарриман. Он сказал, что делегаты конференции были направлены в Москву для того, чтобы рассмотреть вопрос о потребностях Советского Союза, сражающегося с державами «оси», о снабжении материалами, которые должны быть поставлены Соединенными Штатами и Великобританией. Отметив, что конференция все эти дни проводила свою работу непрерывно и рассмотрела вопрос об имеющихся в распоряжении Советского правительства ресур-

сах в сочетании с производственными возможностями Соединенных Штатов и Великобритании, Гарриман продолжал:

— На конференции решено предоставить в распоряжение Советского правительства практически все то, в отношении чего были сделаны запросы советскими военными и гражданскими органами. Советское правительство снабжает Великобританию и Соединенные Штаты большим количеством сырьевых материалов, в которых эти страны испытывают неотложную нужду. В полной мере рассмотрен вопрос о транспортных возможностях и разработаны планы увеличения объема грузопотоков по всем направлениям...

Лорд Бивербрук и я от имени наших Правительств подтверждаем получение от Советского правительства крупных поставок русских сырьевых материалов, которые значительно помогут производству вооружения в наших странах.

Мы отмечаем сердечность, которой была проникнута конференция, что сделало возможным заключение соглашения в рекордно короткое время...

На этом же заседании было согласовано коммюнике об окончании работы конференции. В нем говорилось, что конференция представителей трех великих держав — СССР, Великобритании и Соединенных Штатов Америки, «успешно провела свою работу, вынесла важные решения в соответствии с поставленными перед нею целями и продемонстрировала полное единодушие и наличие тесного сотрудничества трех великих держав в их общих усилиях по достижению победы над заклятым врагом всех свободлюбивых народов».

После окончания конференции глава Советского правительства дал в Кремле обед в честь ее участников. Это было поздно вечером 1 октября 1941 г. В Екатерининском зале большого Кремлевского дворца присутствовали: американская делегация во главе с Гарриманом, английская делегация во главе с лордом Бивербруком, посол США Штейнгардт и его сотрудники, посол Великобритании Криппс и его штат. Был приглашен также полный состав советской делегации: Молотов, Ворошилов, Микоян, Малышев, Кузнецов, Шахурин, Яковлев, Литвинов, Голиков и еще около двух десятков работников Наркоминдела, Наркомвнешторга, Наркоматов обороны и Военно-Морского Флота.

Первый тост произнес Сталин:

— За успешное сотрудничество союзников и за их победу над общим врагом!

Бивербрук и Гарриман ответили краткими выступлениями общего характера. После обеда Сталин, Молотов, Бивербрук и Гарриман, а также переводчики перешли в соседнюю комнату, где за чашкой кофе состоялась беседа. Хотя шли тяжелейшие месяцы Великой Отечественной войны, глава Советского правительства высказал твердое убеждение, что война должна закончиться на германской территории, когда армии трех великих держав там встретятся. Гарриман сразу же ответил, что целиком согласен с этим. Бивербрук также утвердительно кивнул головой.

В ходе дальнейшей беседы Сталин заявил, что Советский Союз готов продолжать борьбу столько времени, сколько понадобится для разгрома врага. Было видно, что это произвело на Гарримана и Бивербрука большое впечатление. Позднее Гарриман вспоминал, что в те дни английские и американские военные атташе советовали ему и Бивербруку поскорее свернуть переговоры и не задерживаться в Москве ни одного лишнего дня, так как, мол, город будет вот-вот сдан немцам. Но беседы с советскими руководителями, решимость советских людей отстоять столицу успокоили руководителей англо-американской миссии. Они поняли, что страхи западных военных экспертов необоснованны.

2 октября англо-американская миссия отбыла из Москвы, а уже 3 октября глава Советского правительства направил премьер-министру Англии Черчиллю послание следующего содержания:

«Приезд в Москву британской и американской миссий и особенно личное возглавление этих миссий лордом Бивербруком и г. Гарриманом имели весьма благоприятное значение...

Не скрою от Вас, что наши теперешние потребности военного снабжения ввиду ряда неблагоприятных обстоятельств на нашем фронте и вызванной этим эвакуацией новой группы предприятий не исчерпываются согласованными на конференции решениями, не говоря уже о том, что ряд вопросов отложен до окончательного рассмотре-

ния и решения в Лондоне и Вашингтоне, но и сделанная Московской конференцией работа обширна и значительна. Надеюсь, что Британское и Американское Правительства сделают все возможное, чтобы в будущем увеличить месячные квоты, а также чтобы уже теперь при малейшей возможности ускорить намеченные поставки, поскольку предпринятые месяцы гитлеровцы постараются использовать для максимального нажима на СССР».

Выступая 6 ноября 1941 г. с докладом на торжественном заседании Московского Совета депутатов трудящихся с партийными и общественными организациями Москвы, И. В. Сталин высоко оценил значение закончившихся месяц назад переговоров с англо-американской миссией. Приезд в Москву Бивербрука и Гарримана, их непосредственное знакомство с положением в Советском Союзе во многом способствовали развитию сотрудничества трех держав в борьбе против общего врага.

НЕКОТОРЫЕ АСПЕКТЫ ОТНОШЕНИЙ С США

До того как оформилась антигитлеровская коалиция, советско-американские отношения проходили через несколько этапов. Несомненно, решающее значение имела позиция, которую правительство Рузвельта заняло после нападения гитлеровской Германии на Советский Союз.

Как только в Вашингтоне стало известно, что 22 июня 1941 г. Гитлер вторгся в пределы Советской страны, государственный секретарь Корделл Хэлл (он рассказывает об этом в своих мемуарах) позвонил по телефону президенту Рузвельту, а затем своему заместителю Сэмнеру Уоллесу. Каждому из них он сказал:

— Мы должны оказать России всю возможную помощь. Мы неоднократно заявляли, что предоставим всю помощь, которую мы только сможем, любому государству, оказавшему сопротивление державам «оси». Нет никакого сомнения, что в настоящее время Россия подпадает под эту категорию...

На протяжении последующих недель эта концепция пробивала себе дорогу, однако не без труда. Как уже было сказано выше, многие вашингтонские военные эксперты заблуждались относительно истинной силы Красной Армии. Более дальновидные политики считали, что Соединенные Штаты, направляя в Советский Союз оружие и другое необходимое снабжение, ничем не рискуют. Этой точки зрения придерживался и президент Рузвельт, который еще до нападения Гитлера на СССР считал, что если Гитлер вторгнется в Советскую страну, то в конечном счете сломает себе шею.

Еще в начале 1941 г. правительство США получило ряд сообщений о том, что Гитлер собирается напасть на Советский Союз. В январе 1941 г. государственный секретарь Хэлл располагал конфиденциальным докладом С. Вудса, американского экономического атташе в Берлине. Вудс имел «немецкого друга», который, будучи врагом нацистов, был связан с гитлеровскими правительственными органами, а также с видными деятелями нацистской партии. В начале августа 1940 г. этот «друг» информировал Вудса о том, что у Гитлера происходят совещания, посвященные подготовке войны против Советского Союза. На основании информации, полученной от лиц, работавших в генеральном штабе вермахта, Вудс передал в Вашингтон сведения о главных направлениях готовившегося гитлеровского наступления: на севере, на юге и в центре — непосредственно на Москву. Все приготовления, согласно этой информации, должны были закончиться к весне 1941 г.

Когда впервые эти данные попали в госдепартамент, Хэлл, как он сам впоследствии признал, счел их гитлеровской дезинформацией. Однако после перепроверки по другим источникам сведения, полученные от Вудса, подтвердились и были переданы президенту Рузвельту. Возможно, они сыграли свою роль, побудив Рузвельта предпринять шаги, облегчившие впоследствии сотрудничество Соединенных Штатов с Советским Союзом.

Так или иначе еще до нападения гитлеровской Германии на Советский Союз Вашингтон осуществил ряд акций в этом направлении. 21 января 1941 г. было отменено «эмбарго» в отношении торговли с Советским Союзом, установленное после начала советско-финской войны в декабре 1939 г. По существу это ничего не меняло, поскольку товары, ранее подпадавшие под «эмбарго», теперь были включены в систему лицензий на основании закона от 2 июля 1940 г., и их экспорт строго контролировался. Та-

ким образом, принятая Соединенными Штатами в январе 1941 г. мера была скорее рассчитана на психологический эффект. Но она сыграла свою роль в будущем.

Считая Советский Союз важным фактором мировой политики, руководящие деятели США не сомневались, что в случае нападения Советский Союз будет обороняться и сделает все возможное для того, чтобы победить агрессора. Поэтому, хотя и в небольшом объеме, поставки некоторых американских товаров в Советский Союз не прекращались. Знаменательно, что это вызывало недовольство Лондона. Прибывший в то время в Вашингтон новый посол Великобритании — лорд Галифакс предложил при первой же встрече с государственным секретарем ограничить американские поставки в Советский Союз. 5 февраля 1941 г. Галифакс заявил Хэллу, что Англия опасается, как бы значительное количество снабжения, поступающего из Соединенных Штатов, не попало в конечном счете в германские руки. По этому поводу Галифакс даже вручил Хэллу специальный меморандум, в котором указывалось на значительно возросшие советские закупки в Соединенных Штатах. Хэлл ответил, что правительство США внимательно следит за американскими поставками в Советский Союз, и добавил:

— Независимо от того, что Советский Союз пока активно не участвует в войне, он все же остается чрезвычайно важным фактором, а также оказывает влияние на мир в целом как в Европе, так и в Азии...

Информация о состоявшейся беседе появилась в английской прессе. Это вызвало недовольство в Вашингтоне. Хэлл пригласил к себе Галифакса и заявил ему, что не следовало публиковать сообщение об английском требовании сократить американские поставки в Советский Союз.

— Я полагаю, — сказал Хэлл, — что Англия слишком уж нажимает на одну чашу весов, когда позволяет, чтобы предложения о сокращении поставок в Советский Союз стали достоянием гласности...

В мемуарах Хэлл указывает, что «в целом политика Соединенных Штатов по отношению к России была твердой, но дружественной». В действительности, однако, в отношениях между США и Советским Союзом имелись тогда значительные трудности. Положение особенно осложнялось систематической задержкой поставок различных важных материалов, о чем советский посол в США К. А. Уманский неоднократно делал представления американскому правительству. Так, 14 мая 1941 г. в ходе беседы с государственным секретарем советский посол вручил Хэллу памятную записку, в которой приводились конкретные случаи задержки грузов, идущих в Советский Союз, а также указывалось на проявления враждебного отношения в Соединенных Штатах к Советскому правительству, что, конечно, ухудшало атмосферу взаимоотношений между обоими государствами.

Хэлл пытался возражать, уверяя, что правительство Соединенных Штатов не имеет ни малейшего чувства неприязни ни к Советскому Союзу, ни к его правительству. Однако факты говорили о другом. Да и сам Хэлл косвенно признал это при изложении позиции США в отношении СССР. Он не мог также не согласиться с тем, что поставки в ряде случаев задерживаются, повторив при этом по сути дела те же аргументы, что приводил и Галифакс.

Здесь, как видим, проявилась определенная непоследовательность Хэлла, который, с одной стороны, отклонил английский демарш, переданный ему послом Галифаксом, а с другой — оправдывал его же аргументами действия американских властей, сознательно задерживавших поставки в Советский Союз.

Впрочем, независимо от трений и трудностей, руководящие вашингтонские политики во главе с президентом Рузвельтом и государственным секретарем Хэллом считали Советский Союз решающей силой, способной противостоять агрессии гитлеровской Германии и милитаристской Японии. Поэтому правительство США уже тогда приступило к формированию курса, направленного на оказание поддержки Советскому Союзу в возможном конфликте с гитлеровской Германией. Несомненно, тут сыграло роль то обстоятельство, что правящие круги США считали тогда для себя наиболее опасными империалистическими соперниками гитлеровскую Германию и милитаристскую Японию.

Следует, однако, иметь в виду, что в то время в США были еще очень сильны позиции изоляционистов. Кроме того, в Вашингтоне активно действовали пронацистские лоббисты, которые всячески обрабатывали американских законодателей, побуждая

их сопротивляться включению США в европейский конфликт. Небезуспешно работала в США и тайная гитлеровская агентура. Рузвельту приходилось преодолевать серьезное сопротивление при проведении политики поддержки сил, выступающих против фашизма.

В январе 1941 г. на узком совещании в Белом доме Рузвельт подчеркнул, что одна из важных целей его правительства заключается в том, чтобы «делать все возможное для продолжения поставок Великобритании», причем «военно-морской флот США должен быть готов конвоировать суда, идущие через Атлантику в Англию». Такая линия вызвала сопротивление изоляционистов. В конгрессе многие ораторы резко критиковали правительство. В письме к одному из сенаторов президент Рузвельт писал по этому поводу: «Пусть бог поможет мне понять, куда клонят те, кто затеял эту дискуссию в сенате. Зачем они оспаривают необходимость конвоев?»

Вступление Советского Союза в войну после вероломного нападения на него гитлеровской Германии придало новые силы тем американским политикам, которые видели первоочередную задачу в нанесении поражения Гитлеру. Среди них особенно активную роль играл Гарри Гопкинс. И не случайно, что именно его Рузвельт наметил для поездки в Москву в качестве своего личного представителя в июле 1941 г.

После нападения гитлеровской Германии на Советский Союз в Вашингтоне были предприняты соответствующие практические шаги. Президент Рузвельт распорядился разморозить блокированные советские валютные фонды. В начале августа 1941 г. исполняющий обязанности государственного секретаря Уэллес и посол Уманский обменялись письмами, в которых американская сторона обещала «оказать всю экономическую помощь, которая возможна, с целью усиления Советского Союза в его борьбе против вооруженной агрессии». В августе 1941 г. в Вашингтон прибыл генерал Голиков, который вместе с послом Уманским посетил государственного секретаря Хелла и изложил потребности Советского Союза ¹.

УИНСТОН ЧЕРЧИЛЛЬ В МОСКВЕ

Как известно, важнейшей проблемой для участников антигитлеровской коалиции с самого начала ее формирования было открытие второго фронта в Западной Европе, лучше всего — в Северной Франции. Только так можно было наиболее эффективным образом сорвать замыслы гитлеровского командования, подорвать моральный дух противника и снять хотя бы часть бремени с Красной Армии, героически сопротивлявшейся наступающим фашистским полчищам.

Советские воины, встав грудью на защиту своего отечества, перемалывали отборные части гитлеровских армий, внося тем самым решающий вклад в дело победы над общим врагом. Долг западных союзников состоял в том, чтобы как можно скорее открыть второй фронт в Западной Европе и тем сорвать расчеты гитлеровцев, показав, что «кошмар войны на два фронта», которого всегда опасались германские стратеги, станет реальностью в развязавной Гитлером войне.

Англия, а затем, после вступления в войну, и США из месяца в месяц, из года в год оттягивали открытие второго фронта, систематически нарушали ими же данные обещания осуществить операцию через Ла-Манш в 1941, 1942 и 1943 гг. И это, естественно, очень осложняло отношения между участниками антигитлеровской коалиции. Нельзя было не видеть, что Лондон и Вашингтон умышленно не торопились с открытием второго фронта. В Великобритании и США имелись влиятельные круги, которые не скрывали свои расчеты: обескровить на советско-германском фронте обе сражающиеся стороны с тем, чтобы выступить на последнем этапе войны арбитрами и продиктовать свою волю. Подобные цели не имели, разумеется, ничего общего с союзническими обязательствами, с задачей обеспечения скорейшей победы над врагом человечества — фашизмом.

В ходе переговоров, состоявшихся в 1942 г. в Лондоне и Вашингтоне между наркомом иностранных дел СССР и руководящими деятелями Англии и США, западные союз-

¹ См. подробнее: Ф. И. Г о л и к о в. Советская военная миссия в Англии и США в 1941 г. — «Новая и новейшая история», 1969, № 3, 4.

ники взяли на себя вполне определенные обязательства в отношении открытия второго фронта.

Между тем британское правительство вовсе не собиралось выполнять это обещание. Сразу же после завершения переговоров Молотова в Лондоне и Вашингтоне Черчилль стал убеждать правительство США отказаться от только что достигнутой договоренности об открытии второго фронта в Европе в 1942 г. (операция «Следжхэммер»). Он категорически заявил Рузвельту, что о высадке во Франции в ближайшее время не может быть и речи. Вместо этого он предложил изучить возможность военной операции, получившей в дальнейшем кодовое название «Факел» и имевшей целью высадить войска во французской Северной Африке. Поначалу американские военные, в том числе генерал Маршалл, возражали против «Факела», считая, что осуществление этой операции потребует такого количества времени, сил и средств, что сделает невозможной высадку крупных союзных сил во Франции и в 1943 г. Их поддержал Рузвельт, продолжавший настаивать на вторжении в Северную Францию осенью 1942 г. Но британский премьер упорно стоял на своем.

В Лондоне состоялось совещание английских властей и американских представителей, возглавлявшихся Гопкинсом, на котором обсуждался вопрос: какой операции отдать предпочтение — «Факелу» или «Следжхэммеру». Черчилль доказывал неосуществимость операции «Следжхэммер» и требовал подготовки к захвату Северной Африки. Переговоры поначалу зашли в тупик. Гопкинс апеллировал к Рузвельту, но тот не сделал никакой попытки спасти американский план и выполнять взятые перед Советским Союзом обязательства.

Рузвельт даже не счит нужным обратиться в решающий момент к Черчиллю, хотя постоянно поддерживал с ним личную переписку. Президент США попросту принял оппозицию англичан «Следжхэммеру» как непреложный факт и телеграфировал Гопкинсу и Маршаллу, находившимся в Лондоне, что им следует найти «какие-либо другие наземные операции против немецких войск, в которых американские солдаты приняли бы обязательное участие в 1942 г.» В качестве таких возможных операций президент, в частности, намечал действия в Северной Африке или на Среднем Востоке. Получив такие директивы, Гопкинс и Маршалл быстро договорились с англичанами. Итак, Черчиллю удалось настоять на своем. Было решено, что в 1942 г. второго фронта во Франции не будет и что англо-американцы проведут операцию «Факел» в Северной Африке.

По договоренности с Рузвельтом Черчилль объявил, что сам «объяснит» Сталину причины, по которым Англия и США отказываются от своего обещания открыть второй фронт в 1942 г. 18 июля 1942 г. он направил главе Советского правительства послание, в котором впервые официально сообщалось об отказе союзников открыть второй фронт в 1942 г. В ответном послании Черчиллю от 23 июля Сталин подчеркнул, что это решение принято, «несмотря на известное согласованное Англо-Советское коммюнике о принятии неотложных мер по организации второго фронта в 1942 году». Сталин далее писал: «Исходя из создавшегося положения на советско-германском фронте, я должен заявить самым категорическим образом, что Советское Правительство не может примириться с откладыванием организации второго фронта в Европе на 1943 год». Видя, что отношения с Советским Союзом осложняются, Черчилль поспешил в Москву.

Когда в первые годы существования Советской власти тогдашний руководитель британского адмиралтейства Уинстон Черчилль выступил вдохновителем антибольшевистского похода 14 буржуазных государств, он, конечно, никак не мог предполагать, что спустя два десятка лет ему придется спешить в качестве эмиссара правящих кругов Англии и США в Москву, в столицу советской державы — союзницы Великобритании, да еще к тому же выступать в незавидной роли политика, которому приходится оправдываться и маневрировать в связи с нарушением торжественно принятого ранее обязательства открыть второй фронт в 1942 г.

Надо полагать, во время своего первого полета в Москву летом 1942 г. Черчилль не мог не задуматься над поучительным уроком, преподанным ему историей. Во всяком случае, когда британский премьер во второй половине дня 12 августа спускался по трапу самолета, только что приземлившегося в Центральном аэропорту в Москве, он имел весьма озабоченный вид. И хотя церемония соблюдалась во всех деталях,

включая исполнение национальных гимнов и обход почетного караула, встреча была довольно холодной и формальной. Советские официальные лица держали себя корректно, но сдержанно.

Вместе с Черчиллем в Москву прибыли Гарриман в качестве личного представителя президента Рузвельта на предстоящих переговорах, а также группа военных.

К тому времени Гарримана уже хорошо знали в Москве. И не только потому, что осенью 1941 г. он приезжал в Советский Союз вместе с лордом Бивербруком для ведения важных переговоров о военных поставках. Его непосредственное знакомство с нашей страной началось еще в 1926 г., когда его семья имела концессию по добыче марганцевой руды в Чнатуре на Кавказе. Тогда он встречался в Москве с руководящими советскими деятелями, в тестьер Сталин шутливо называл Гарримана «наш человек из Чнатуры».

Прямо с аэродрома Черчилля отвезли в отведенную ему загородную резиденцию в Кунцево, а Гарримана — в предоставленный ему особняк в переулке Островского. Остальные члены делегации поселились в гостинице «Националь». Для того чтобы отдохнуть, у гостей оставалось совсем немного времени: вечером Черчилль и Гарриман имели встречу с главой Советского правительства. На этой беседе присутствовали также В. М. Молотов, К. Е. Ворошилов и британский посол А. К. Керр.

Это была первая встреча между руководителем Советского правительства и лидером Британской империи. Черчилль был явно взволнован. Его выдавали излишняя подвижность, даже суетливость, и целый поток красноречия, который он обрушил на своего собеседника по поводу гостеприимства, оказанного ему в советской столице, уверяя, что нет предела его радости по случаю прибытия в героическую Москву. Сталин, напротив, держался очень сдержанно. Его лицо было совершенно спокойным, как будто для него это была совсем обычная встреча.

Сталин пригласил всех занять места за длинным столом, в той его части, которая была ближе к письменному столу. Сам он опустился в кресло во главе стола, по правую его руку сел Черчилль, по левую — Гарриман. На столе были разложены коробки с папиросами и сигаретами, стояли бутылки с минеральной водой и стаканы.

Черчилль, начав беседу, поинтересовался положением на советско-германском фронте. Сталин сказал, что ситуация вокруг Москвы сравнительно нормальная. Но на южных фронтах дело обстоит сложнее. В направлении Баку и Сталинграда нацисты наступают с большей силой, чем ожидалось. Им удалось кое-где прорвать линию фронта Красной Армии. Сталин заметил, что ему просто непонятно, как Гитлер сумел собрать в один кулак такое большое количество войск и танков.

— Думаю, — продолжал он, — что Гитлер выкачал все, что возможно, из Европы. Но мы полны решимости удержать Сталинград. Красная Армия готовится предпринять серьезную атаку севернее Москвы, чтобы отвлечь нацистские силы с южных фронтов...

Черчилль заметно помрачнел. Получив информацию о сложном положении на советско-германском фронте, он должен был теперь обосновывать, почему обещание об открытии в 1942 г. второго фронта в Европе не будет выполнено, почему вторжение через Ла-Манш вновь откладывается.

Английский премьер-министр начал издаലെка. Сперва он принялся многословно рассказывать, как проходит концентрация значительных контингентов войск Англии и США, а также боеприпасов и вооружений на Британских островах. Затем стал говорить о возможности сосредоточения значительных германских войсковых соединений в районе Атлантики, из-за чего операция союзников в Нормандии связана с большим риском. Наконец, он как бы невзначай сказал, что приготовления к высадке будут закончены в следующем году, поскольку излишняя поспешность связана, дескать, с большим риском.

Сталин решительно возразил против такого плана. Он опроверг приведенные Черчиллем цифры относительно численности германских войск, якобы находящихся в Западной Европе. Глава Советского правительства утверждал, что в действительности этих войск значительно меньше, а те дивизии, что имеются, не полного состава. Что же касается риска, о котором упомянул Черчилль, то, по мнению Сталина, любой человек, который не хочет рисковать, не может выиграть войну. Черчилль нехотя согласился с этим в принципе, но сказал, что бессмысленно жертвовать войсками, которые будут столь необходимы в следующем году.

Последовала острая дискуссия, в ходе которой Сталин подчеркнул, что никак не может принять заявление британского премьера, хотя понимает, что не в состоянии заставить британское правительство поступить по-иному. Он вновь сказал, что Советское правительство самым решительным образом заявляет о своем несогласии с этим. В свою очередь Черчилль, стремясь отойти от неприятной темы, пытался перевести разговор на другую проблему. Он принялся излагать план операции «Факел» — вторжение в Северную Африку, — которая должна была произойти в октябре 1942 г. Черчилль высказал мысль, что эта операция выведет из войны Италию.

Взяв из лежавшей на столе стопки бумаги чистый листок, Черчилль набросал на нем контуры Европы в виде головы крокодила, пасть которого направлена на Британские острова. Показав этот рисунок Сталину, он сказал:

— Я хотел бы нанести удар по мягкому подбрюшью Европы, — и указал карандашом на район Адриатики и Балкан.

Затем он стал говорить о роли, которую США должны сыграть при высадке в Северной Африке.

— Мой друг Гарриман, — заключил он, — может рассказать об этом подробнее...

Гарриман поддержал план Черчилля и добавил, что, насколько он знает, президент Рузвельт хочет предпринять операцию в Северной Африке возможно скорее.

— Несмотря на серьезные проблемы, которые президент имеет в Тихом океане, — сказал Гарриман, — его главная забота — европейская война...

Сталин терпеливо выслушал сообщения об операции в Северной Африке и задал ряд конкретных вопросов. В частности, он поинтересовался политической реакцией на эту операцию во Франции и Испании. Черчилль ответил, что, как он полагает, во Франции будет положительная реакция. Что же касается Испании, то это его мало интересует.

Затем разговор снова вернулся к проблеме второго фронта в Западной Европе. Беседа закончилась поздно, причем Черчилль так и не добился от советской стороны согласия на изменение первоначально согласованного между тремя державами срока высадки западных союзников в Нормандии в 1942 г. и на перенос этой операции на 1943 г.

На следующий день в 11 час. вечера переговоры возобновились. Сталин вновь упрекнул западные державы в том, что они не выполняют взятых на себя обязательств. Он напомнил, что, когда Молотов (всего лишь два месяца назад) был в Лондоне, там достигли договоренности об открытии второго фронта в 1942 г. Поскольку теперь выясняется, что эта операция не состоится, Красная Армия может оказаться в сложном положении. Глава Советского правительства далее подчеркнул, что совершенно необходимо, чтобы второй фронт был открыт именно в 1942 г. и что перенесение этой операции на следующий год может сделать ее еще более трудной. Сталин вручил при этом Черчиллю и Гарриману меморандум, в котором подробно излагалась позиция Советского правительства. В нем, в частности, отмечалось:

«В результате обмена мнений в Москве, имевшего место 12 августа с. г., я установил, что Премьер-Министр Великобритании г. Черчилль считает невозможной организацию второго фронта в Европе в 1942 году.

Как известно, организация второго фронта в Европе в 1942 году была предпринята во время посещения Молотовым Лондона и она была отражена в согласованном англо-советском коммюнике, опубликованном 12 июня с. г. ...

Вполне понятно, что Советское Командование строило план своих летних и осенних операций в расчете на создание второго фронта в Европе в 1942 году.

Легко понять, что отказ Правительства Великобритании от создания второго фронта в 1942 году в Европе наносит моральный удар всей советской общественности, рассчитывавшей на создание второго фронта, осложняет положение Красной Армии на фронте и наносит ущерб планам Советского Командования.

Я уже не говорю о том, что затруднения для Красной Армии, создающиеся в результате отказа от создания второго фронта в 1942 году, несомненно, должны будут ухудшить военное положение Англии и всех остальных союзников».

Ознакомившись с меморандумом, Черчилль вопреки фактам принялся уверять, что никакого определенного решения об открытии второго фронта в 1942 г. якобы

вообще не было. В конце концов он заявил, что ответит на этот меморандум в письменном виде.

Затем британский премьер стал распространяться о том, что высадка союзных войск в Северной Африке — это, по его мнению, наилучшая возможность помочь Советскому Союзу. Обращаясь к Гарриману, Черчилль предложил ему высказать свое мнение.

Гарриман поддержал премьер-министра Англии и заявил, что принятое сейчас в Лондоне и Вашингтоне решение является результатом серьезного взвешивания всех обстоятельств.

— Я полагаю,— сказал Гарриман,— что, по мнению президента Рузвельта, намеченное мероприятие отвечает интересам Советского Союза. К тому же эти действия обещают нам успех...

Все эти доводы не поколебали Сталина. Он повторил, что западные союзники пренебрегают необходимостью поддержать Советский Союз именно сейчас, когда это особенно важно. Обращаясь к Черчиллю, он не без иронии сказал:

— Британская армия не должна так сильно бояться немцев...

Черчилль вспыхнул: он-де возмущен таким обвинением и может простить это только перед лицом героической борьбы Красной Армии. Немного успокоившись, Черчилль добавил, что Сталин не должен упускать из виду существование такой водной преграды, как Ла-Манш. Затем Черчилль стал распространяться о том, как на протяжении первого периода войны Англия, дескать, одна стояла против немецких армий, хотя, как известно, основная акция британской армии в то время заключалась в поспешной эвакуации своих войск с Европейского континента через Дюнкерк. Далее Черчилль скороговоркой повторил все те же аргументы против вторжения во Францию в 1942 г., не давая переводчику возможности воспроизвести его слова по-русски. Когда, наконец, Черчилль сделал паузу и переводчик с трудом попытался изложить то, что он говорил, Сталин прервал его.

— Дело не в том,— сказал он,— какие слова произнес премьер-министр, дело в его решимости и боевом духе...

Это замечание несколько разрядило обстановку. Разговор перешел на другие темы. Сталин выразил беспокойство по поводу приостановки конвоев, идущих в Мурманск и в Архангельск. Катастрофа с конвоем «PQ-17», сказал он, не должна привести к задержке поставок. Гарриман в принципе согласился с этим, но подчеркнул необходимость более широкого использования южного маршрута, через Персидский залив и Трансиранскую железную дорогу, а также пути, ведущего из Аляски в Сибирь.

В конце беседы Сталин пригласил Черчилля и Гарримана на обед вечером следующего дня. Но еще до этого официального обеда из английского посольства был получен срочный пакет. В нем находилась памятная записка У. Черчилля, адресованная И. В. Сталину, в которой английский премьер вновь пытался обосновать целесообразность переноса срока открытия второго фронта в Западной Европе. Эта памятная записка была срочно переведена на русский язык и сразу же доложена главе Советского правительства.

В 8 часов вечера 14 августа Сталин, принимая гостей, собравшихся на обед в Екатерининском зале Кремлевского дворца, был в отличном настроении. Он как будто совсем забыл о неприятном разговоре с Черчиллем и Гарриманом по поводу второго фронта. Но Черчилль в начале вечера испытывал неловкость. Он явно был не в своей тарелке после резкого разговора со Сталиным, нервно дымил сигарой и часто прикладывался к рюмке с коньяком. Однако постепенно британский премьер становился более оживленным. Этому, надо полагать, способствовало и обильное меню обеда.

Между Черчиллем и Сталиным вскоре завязался оживленный разговор — начиная с военной тактики и кончая проблемами послевоенного устройства. Время от времени к беседе подключался Гарриман. В частности, он поднял вопрос о возможности встречи между главой Советского правительства и президентом США, спросил, когда и где такая встреча могла бы состояться. Сталин заметил, что встреча эта имела бы очень важное значение, и предложил провести ее как-нибудь зимой, когда он не будет столь сильно загружен делами фронта. Что касается места встречи, то назывались различные пункты — от Алеутских островов до Исландии.

Затем Сталин перешел к текущим вопросам. Он выразил недовольство задержкой с отправкой конвоев в северные порты Советского Союза и высказал пожелание, чтобы

правительства Англии и США приняли меры для ускорения поставок. Черчилль и Гарриман обещали это учесть.

К концу обеда Сталин стал произносить тосты в честь различных родов войск Красной Армии, подходя соответственно к каждому из маршалов и генералов, командовавших этими родами войск. Из иностранцев Сталин удостоил тостом только президента Рузвельта. Черчилль был явно обижен, но молча проглотил эту пилюлю.

Кофе пили за маленьким столом в комнате, примыкавшей к Екатерининскому залу. Здесь продолжался непринужденный разговор. Сталин и Черчилль обменивались воспоминаниями о различных периодах советско-английских отношений. Заговорили, в частности, о поездке леди Астор в Москву в 30-е годы. Сталин сказал, что леди Астор уверяла, будто Черчилль конченый человек, что он никогда больше не будет играть никакой роли на политической сцене. Но Сталин был тогда иного мнения. Он сказал леди Астор:

— Если произойдет война, Черчилль станет премьер-министром...

Черчилль поблагодарил Сталина за такую оценку его качеств политического деятеля.

— При этом, — заметил Черчилль, — сам я должен признать, что далеко не всегда относился дружелюбно к Советскому Союзу, особенно сразу же после первой мировой войны...

Сталин ответил:

— Я это знаю. Уж в чем Вам нельзя отказать, так это в последовательности в том, что касается Вашей оппозиции советскому строю.

— Можете ли Вы простить мне все это? — спросил Черчилль.

Сталин немного помолчал, посмотрел на Черчилля, прищурился, и спокойно ответил:

— Не мое дело прощать, пусть Вас прощает Ваш бог. А в конце концов нас рассудит история...

Во время этого обеда произошел инцидент, который вначале всполошил, а потом изрядно рассмешил всех присутствовавших. Как раз тогда, когда за плембиром и кофе между Сталиным, Черчиллем и Гарриманом шел оживленный разговор, неподалеку от их столика вдруг раздался грохот, внимание всех привлекли резкий звон разбитой посуды, возбужденные возгласы. Обернувшись, мы увидели распростертого на полу человека. Рядом валялись черепки фарфора, бутылки и осколки стекла. Казалось, случилось несчастье. Вокруг упавшего уже собирались другие гости, загораживая его от нас. Когда к месту происшествия подошли Сталин, Черчилль и Гарриман в сопровождении переводчиков, все расступились, и мы увидели, что лежащий на полу человек с налитым кровью лицом и глупо моргающими вытаращенными глазами — это личный телохранитель и дворецкий британского премьера командор Томпсон, или Томми, как его ласково называл не чаявший в нем души Черчилль. Рядом с ним стоял во весь свой незаурядный рост посол его величества Арчибальд Кларк Керр в парадном, расшитом золотом сюртуке с муаровой орденской лентой через плечо и палашом, украшенным драгоценными камнями. Но что у него был за вид! По сюртуку и муаровой ленте распознал розовый плембир, палаш был испачкан кофейной гущей, а сам Керр с трудом старался преодолеть растерянность, готовясь ответить на недоуменный и тревожный взгляд Черчилля.

— Объясните, что здесь произошло? — строго спросил британский премьер. Посол Керр, наковец, овладел собой и скороговоркой произнес:

— Вы же знаете, Ваше превосходительство, Томми может выпить уйму вина и никогда не пьянеет...

— За это я его и ценю, — вставил Черчилль и улыбнулся, уже догадываясь, что ничего страшного не случилось.

— Но на этот раз он переоценил свои возможности, соревнуясь с русскими коллегам, — продолжал Керр. — И надо же было, чтобы в этот момент ему почудилось, что Вы, Ваше превосходительство, нуждаетесь в его защите. Он резко вскочил, но не смог сохранить равновесия, схватился за скатерть... и вот видите...

И Керр показал рукой на свой перепачканный сюртук, а потом на все еще лежавшего на полу Томми...

Все рассмеялись. Томпсона быстро поставили на ноги и под руки увели за дверь. Инцидент был исчерпан...

На рассвете Черчилль, Гарриман и сопровождавшие их лица прибыли на Центральный аэродром. В 5 часов утра после официальной церемонии проводов они вылетели в Тегеран, а оттуда дальше — в столицы своих стран. Уже после того, как они прибыли к месту назначения, 18 августа было опубликовано англо-советское «Коммюнике о переговорах Премьер-министра Великобритании г. Черчилля с Председателем Совнаркома СССР И. В. Сталиным». В нем говорилось:

«В Москве происходили переговоры между Председателем Совета Народных Комиссаров СССР И. В. Сталиным и Премьер-Министром Великобритании г. У. Черчиллем, в которых участвовал господин Гарриман, как представитель Президента США. В беседах приняли участие Народный Комиссар Иностранных Дел В. М. Молотов, маршал К. Е. Ворошилов — с советской стороны, Британский Посол сэр А. Кларк Керр. Начальник Имперского Генерального Штаба сэр А. Брук и другие ответственные представители британских вооруженных сил, постоянный заместитель Министра Иностранных Дел сэр Александр Кадоган — с английской стороны.

Был принят ряд решений, охватывающих область войны против гитлеровской Германии и ее сообщников в Европе. Эту справедливую освободительную войну оба правительства исполнены решимости вести со всей силой и энергией до полного уничтожения гитлеризма и всякой подобной тирании.

Беседы, происходившие в атмосфере сердечности и полной откровенности, дали возможность еще раз констатировать наличие тесного содружества и взаимопонимания между Советским Союзом, Великобританией и США в полном соответствии с существующими между ними союзными отношениями».

В коммюнике, разумеется, не было и тени намека на серьезные разногласия между союзниками в вопросе об открытии второго фронта и на те острые дискуссии, которые имели место в ходе переговоров. Это естественно для того периода. Ведь шла жестокая война, и перед лицом коварного врага союзники должны были предстать едиными и непоколебимыми в их решимости добиться победы.

Однако серьезность проблемы нашла отражение в двух интервью, которые глава Советского правительства дал московскому корреспонденту американского агентства Ассошиэйтед Пресс Кэссиди вскоре после отъезда Черчилля из Москвы.

В ответах Кэссиди 3 октября 1942 г. американским и британским политикам давалось понять, что разгадана их тактика — затянуть открытие второго фронта, в надежде, что оба противника, Советский Союз и Германия, истощат друг друга, и тогда продиктовать свои условия мира в интересах англо-американского империализма. Сталин, отвечая Кэссиди, как бы обращался к тем, кто лелеял подобные планы, и предупреждал их: Советский Союз найдет в себе силы противостоять любым планам установления мирового господства.

Спустя немногим более месяца, после высадки англо-американцев в Северной Африке, И. В. Сталин снова дал интервью Кэссиди. На этот раз ответы были более примирительные, хотя также не лишены определенного подтекста. И в этом интервью был затронут вопрос о втором фронте, причем со всей серьезностью было подчеркнуто его важное значение. Это не понравилось правящим кругам Лондона и Вашингтона. Советским послам в обеих столицах были сделаны соответствующие представления. Но советская сторона оставалась непреклонной: она продолжала настаивать на том, что только высадка в Нормандии будет действительно эффективной помощью советским войскам, отражавшим натиск главных сил врага.

1942 год подходил к концу. Уже и для широкой общественности стало очевидным, что и в этом году второго фронта в Западной Европе не будет. Но успешная высадка союзников в Северной Африке подтверждала, что англо-американское командование способно организовать крупные десантные операции, наносить серьезные удары по войскам держав «оси». Это был один из важных итогов заканчивавшегося года, на что и указывал глава Советского правительства в своих ответах корреспонденту агентства Ассошиэйтед Пресс. Тем не менее Красная Армия продолжала по-прежнему нести основную тяжесть борьбы с германским фашизмом.

Окончание следует